

Дорогие уроки — эпизод 1 из 2

Для человека образованного незнание языков составляет большое неудобство. Воротов сильно почувствовал это, когда, выйдя из университета со степенью кандидата, занялся маленькой научной работкой.

Это ужасно! говорил он, задыхаясь (несмотря на свои 26 лет, он пухл, тяжел и страдает одышкой). Это ужасно! Без языков я, как птица без крыльев. Просто хоть работу бросай.

И он решил во что бы то ни стало побороть свою врожденную лень и изучить французский и немецкий языки, и стал искать учителей.

В один зимний полдень, когда Воротов сидел у себя в кабинете и работал, лакей доложил, что его спрашивает какая-то барышня.

Проси, сказал Воротов.

И в кабинет вошла молодая, по последней моде, изысканно одетая барышня.

Она отрекомендовалась учительницей французского языка Алисой Осиповной Анкет и сказала, что ее прислал к Воротову один из его друзей.

Очень приятно! Садитесь! сказал Воротов, задыхаясь и прикрывая ладонью воротник своей ночной сорочки. (Чтобы легче дышалось, он всегда работает к ночной сорочке.) Вас прислал ко мне Петр Сергеич? Да, да... я просил его...

Очень рад!

Договариваясь с m-lle Анкет, он застенчиво и с любопытством поглядывал на нее. Это была настоящая, очень изящная француженка, еще очень молодая.

По лицу, бледному и томному, по коротким кудрявым волосам и неестественно тонкой талии ей можно было дать не больше 18 лет; взглянув же на ее широкие, хорошо развитые плечи, на красивую спину и строгие глаза, Воротов подумал, что ей, наверное, не меньше 23 лет, быть может, даже все 25; но потом опять стало казаться, что ей только 18. Выражение лица у нее было холодное, деловое, как у человека, который пришел говорить о деньгах. Она ни разу не улыбнулась, не нахмурилась, и только раз на ее лице мелькнуло недоумение, когда она узнала, что ее пригласили учить не детей, а взрослого, толстого человека.

Итак, Алиса Осиповна, говорил ей Воротов, мы будем заниматься ежедневно от семи до восьми вечера. Что же касается вашего желания получать по рублю за урок, то я ничего не имею возразить против. По рублю так по рублю...

И он еще спросил у нее, не хочет ли она чаю или кофе, хороша ли на дворе погода, и, добродушно улыбаясь, поглаживая ладонью сукно на столе, дружелюбно осведомился, кто она, где кончила курс и чем живет.

Алиса Осиповна с холодным, деловым выражением ответила ему, что она кончила курс в частном пансионе и имеет права домашней учительницы, что отец ее недавно умер от скарлатины, мать жива и делает цветы, что она, m-lle Анкет, до обеда занимается в частном пансионе, а после обеда, до самого вечера, ходит по хорошим домам и дает уроки.

Она ушла, оставив после себя легкий, очень нежный запах женского платья. Воротов долго потом не работал, а, сидя у стола, поглаживал ладонями зеленое сукно и размышлял.

Очень приятно видеть девушек, зарабатывающих себе кусок хлеба, думал он. С другой же стороны, очень неприятно видеть, что нужда не щадит даже таких изящных и хорошеньких девиц, как эта Алиса Осиповна, и ей также приходится вести борьбу за существование. Беда!..

Он, никогда не выдавший добродетельных француженок, подумал также, что эта изящно одетая Алиса Осиповна, с хорошо развитыми плечами и с преувеличенно тонкой талией, по всей вероятности, кроме уроков, занимается еще чем-нибудь.

На другой день вечером, когда часы показывали без пяти минут семь, пришла Алиса Осиповна, розовая от холода; она раскрыла Margot, которого принесла с собой, и начала без всяких предисловий:

Французская грамматика имеет 26 букв. Первая буква называется А, вторая В...

Виноват, перебил ее Воротов, улыбаясь. Я должен предупредить вас, мадмуазель, что лично для меня вам придется несколько изменить ваш метод. Дело в том, что я хорошо знаю русский, латинский и греческий языки... изучал сравнительное языковедение, и, мне кажется, мы можем, минуя Margot, прямо приступить к чтению какого-нибудь автора.

И он объяснил француженке, как взрослые люди изучают языки.

Один мой знакомый, сказал он, желал изучить новые языки, положил перед собой французское, немецкое и латинское евангелия, читал их параллельно, причем кропотливо разбирал каждое слово, и что ж? Он достиг своей цели меньше чем в один год. Сделаем и мы так. Возьмем какого-нибудь автора и будем читать.

Француженка с недоумением посмотрела на него. По-видимому, предложение Воротова показалось ей очень наивным и вздорным. Если бы это странное предложение было сделано малолетним, то, наверное, она рассердилась бы и крикнула, но так как тут был человек взрослый и очень толстый, на которого нельзя было кричать, то она только пожала плечами едва заметно и сказала: Как хотите.

Воротов порылся у себя в книжном шкапу и достал оттуда истрепанную

французскую книгу.

Это годится? спросил он.

Всё равно.

В таком случае давайте начинать. Господи благослови. Начнем с заглавия... Mmoires.

Воспоминания... перепела m-lle Анкет.

Воспоминания... повторил Воротов.

Добродушно улыбаясь и тяжело дыша, он четверть часа провозился со словом mmoires и столько же со словом de, и это утомило Алису Осиповну. Она отвечала на вопросы вяло, путалась и, по-видимому, плохо понимала своего ученика и не старалась понять. Воротов предлагал ей вопросы, а сам между тем поглядывал на ее белокурую голову и думал:

Ее волосы кудрявы не от природы, она завивается. Удивительно. Работает с утра до ночи и успевает еще завиваться.

Ровно в восемь часов она поднялась и, сказав сухое, холодное au revoir, monsieur¹, пошла из кабинета; и после нее остался всё тот же нежный, тонкий, волнующий запах. Ученик опять долго ничего не делал, сидел у стола и думал.